

Историческая справка клана «Стрелецкий приказ» Fianna Mercenaries

Легендарные московские стрельцы времён Ивана Грозного вошли в массовое сознание совсем не в том виде, в каком они существовали на самом деле. За ними прочно закрепился образ, созданный более чем на 100 лет позже их появления. Какие же годы можно считать официальной датой зарождения московских стрельцов и что собой представляло это войско?

Начало легенды

...И еще ново прибави к ним огненных стрельцов много, к ратному делу гораздо изученных и глав своих не щадящих, а в нужное время отцы и матери, и жен, и дети своих забываючи, и смерти не боящиеся, ко всякому бою, аки к велице которой корысти или к медвяной чаще царева, друг друга наперед течаху силно бияхуся, и складаху главы своя нелестно за веру христьянскую и за любовь к ним царскую...

Казанская история // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000.

Стб. 44–45.

Московские стрельцы... Когда слышишь эти слова, перед глазами невольно встаёт образ сурового бородатого мужика в длиннополом красном кафтане, сапогах с загнутыми носками и отороченном мехом суконном колпаке. В одной руке он держит тяжёлую пищаль, а в другой – бердыш, на боку у него — сабля, через плечо — берендейка. Этот классический, ставший хрестоматийным образ московского стрельца растиражирован художниками (Иванов, Рябинин, Лиснер, Суриков), кинорежиссёрами (достаточно вспомнить «стрельцов» из известной комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»), писателями (один А. Толстой и его «Пётр Первый» чего стоит!) и прочно вошёл в обыденное сознание.

Но мало кто знает, что этот такой привычный и узнаваемый стрелец – порождение второй половины XVII века, времён Алексея Михайловича Тишайшего и его сына Фёдора Алексеевича, войн за Украину с поляками и турками. Это его видели иностранные дипломаты, оставившие более или менее подробные описания и рисунки, по которым мы и знаем, как же выглядели московские стрельцы в то время. Но к тому времени история стрелецкого войска насчитывала уже больше, гораздо больше сотни лет, и за это время войско это сильно изменилось как внешне, так и внутренне.

А какими были стрельцы в «начале славных дел», в первые десятилетия своей истории, при «отце» стрелецкого войска Иване Грозном? Об этом известно, увы, намного меньше. К сожалению, не сохранилось ни одного рисунка, который бы описывал внешний вид московского стрельца середины XVI века – самые ранние их изображения датируются в лучшем случае концом XVI-началом XVII веков. Но, к счастью, остались описания, что дали иностранцы, видевшие их в то время. Чудом сохранились, пусть и в небольшом

количестве, документы, сообщающие нам о том, какими же были эти войны. Наконец, об истории стрелецкого войска можно узнать из русских летописей и кратких записей в разрядных книгах. Одним словом, порывшись в старинных рукописях и документах, можно всё же сыскать необходимый минимум сведений для того, чтобы попытаться реконструировать внешний облик московского стрельца времён Ивана Грозного.

Русские пищальники во время осады Смоленска в 1513–1514 г.г. Миниатюра из 18-го тома Лицевого свода

Итак, где, когда, при каких обстоятельствах появились легендарные стрельцы? Увы, архивы Стрелецкого приказа не пережили Смуту и «бунташный» XVII век – от них остались лишь жалкие обрывки. Если бы не пересказанный неизвестным русским книжником фрагмент царского указа о создании стрелецкого войска, то историки и по сей день искали бы ответ на этот вопрос. Вот этот отрывок:

«Того же лета [7058 г. от Сотворения мира, а по нашему летоисчислению 1549/1550 г.г.] учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси выборных стрелцов и пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевоу слободе, а головы у них учинил детей боярских: в первой статье Гришу Желобова сына Пушешникова, а у него

пищальников 500 человек да с ними головы у ста человек сын боярской, а в другой статье Дьяк Ржевской, а у него пищальников 500 человек, а у всяких у ста человек сын боярской; в третьей статье Иван Семенов сын Черемисинов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской в сотниках; в четвертой статье Васка Фуников сын Прончищев, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в пятой статье Федор Иванов сын Дурасов, а с ним 500 человек, а у ста человек сын боярской; в шестой статье Яков Степанов сын Бундов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской. Да и жалованье стрелцом велел давати по четыре рубли на год...».

Отрывок краткий, но весьма и весьма информативный. Прежде всего, из этой выписки чётко видна структура каждого стрелецкого приказа, возглавляемого головой из детей боярских: по 500 стрельцов в каждом, разделённых на сотни во главе с сотниками из детей же боярских. Наконец, пересказ даёт нам и сведения о размерах государственного жалованья, которое на первых порах было положено стрельцам – 4 руб. в год. Скажем прямо – немного. В том же 1550 г. цены на четверть (4 пуда, 65 с половиной кг) ржи в ближней московской округе составляли 48 «московок», т.е. на 4 рубля (200 московок в рубле) можно было прикупить 66 с гаком пудов ржи (больше тонны в пересчёте на

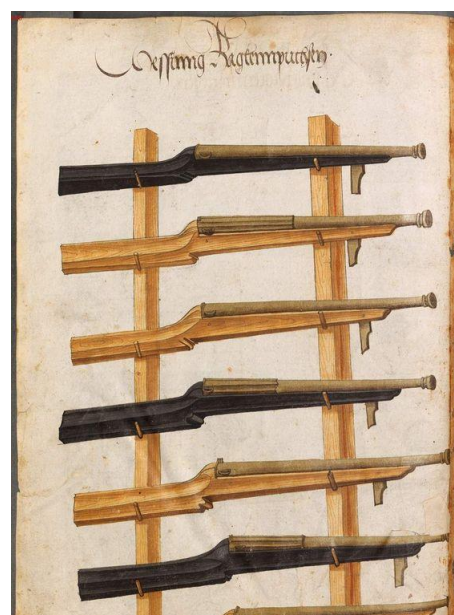
метрическую систему мер и весов). И это при том, что годовая норма расхода зерновых в те времена составляла примерно 24 четверти. Очевидно, что наш книжник не слишком интересовался проблемами логистики, опустив лишние, по его мнению, но любопытные для нас подробности стрелецкого жалования (не только денежного, но хлебного, соляного и иного. Однако более подробно об этом будет сказано ниже).

Предтечи стрельцов

Однако ещё более любопытно в приведённом отрывке другое. Обращает на себя внимание эпитет «выборный», применённый по отношению к стрельцам. В. И. Даль, раскрывая содержание этого слова, писал в своём «Толковом словаре живого великорусского языка»: «*Выборный*, отборный, самый лучший, выбранный; избранный...». Выходит, что, во-первых, корпус стрелецкой пехоты изначально создавался как элитарный (своего рода гвардия) корпус, а если принять во внимание местоположение стрелецкой слободы – то, пожалуй, как царская лейб-гвардия, отборные телохранители. Затем, раз уж он «выборный» корпус, значит, его было из кого выбирать. Так из кого же выбирали первых стрельцов?

Для ответа на этот вопрос надо отмотать ленту времени на несколько десятилетий назад, во времена деда Ивана IV, тоже Ивана Васильевича и тоже Грозного. Когда именно появилось на вооружении москвитов ручное огнестрельное оружие — в точности неизвестно. Однако, если верить послу Ивана III Георгу Перкамоте при дворе миланского герцога Джан Галеаццо Сфорца, в начале 80-х гг. XV в. некие немцы завезли первые «огнестрелы» в Московию, и русские быстро с ними освоились. Правда, на первых порах стрелки из ручниц-пищалей (пищальники) не получили большого распространения.

Маловероятно, что первые пищальники-стрелки из ручниц приняли боевое крещение во время знаменитого стояния на Угре — уж очень примитивным было тогда ручное огнестрельное оружие, да и сама кампания 1480 г. не располагала к его массовому применению. Лишь со времён Василия III они появляются на государственной службе и на полях сражений в «товарных количествах». Первое упоминание о них относится к 1508 году, когда во время очередной русско-литовской войны набранные с городов пищальники и посошные люди были отправлены в Дорогобуж, поближе к «линии фронта». К этому времени русские уже столкнулись с ручным огнестрельным оружием – в ходе русско-ливонской войны 1501–1503 гг. его использовали против русской конницы немецкие ландскнехты, нанятые Ливонской конфедерацией, а

Тяжёлые гаковницы конца XV в. Гравюра из Zeugbuch Kaiser Maximilians I

взятые в плен в ходе русско-литовской войны 1500–1503 гг. наёмные литовские «жолнеры»-стрелки из ручниц помогли в 1505 г. воеводе И. В. Хабару отстоять Нижний Новгород от казанцев и пришедших им на помощь ногайских татар.

В 1510 г. впервые сказано о «пищальниках казённых» (т.е., надо понимать, речь идёт о тех, что были «прибраны» на постоянную государеву службу. Имперский посол С. Герберштейн, оставивший любопытные записки о своём неоднократном пребывании в России времён Василия III, сообщал, что в бытность его в Москве у Василия III было «почти полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброда»). Спустя два года, в 1512 г., псковские пищальники штурмуют Смоленск, а в 1518 г. пищальники псковские и новгородские осаждают Полоцк. Активно участвовали пищальники и в русско-литовской Стародубской войне 1534–1537 гг., и в казанских походах Василия III.

Ручницы конца XV в. и ландскнехты. Гравюра из Zeugbuch Kaiser Maximilians I

Ещё один любопытный факт из того времени – в 1525 г. со слов московского посла при дворе римского папы Дмитрия Герасимова епископ Ночерский Павел Иовий записал, что московский великий князь завёл у себя «scloppetariorum equitum». Под ними, очевидно, надо понимать именно посаженных на-конь для большей подвижности пищальников (а то ведь Герберштейн писал, что «в сражениях они [москвиты] никогда не употребляли пехоты и пушек, ибо всё, что они делают, нападают ли на врага, преследуют ли его или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними...»). Потерпев же обидное поражение под Оршей в 1514 г., когда московская конная рать была побита польско-литовской, имевшей все три рода войск, Василий III и его воеводы сделали, надо полагать, правильные

выводы из этого). В пользу такой трактовки текста говорит, к примеру, такой факт – в сентябре 1545 г., снаряжаясь в свой первый поход на Казань, Иван IV прислал в Новгород грамоту, в которой повелел «нарядити» с новгородских посадов, пригородов с посадами, с рядов и с погостов 2000 пищальников, тысячу пеших да тысячу конных (любопытно, но в грамоте содержится и норма расхода боеприпасов – каждому пищальнику надлежало иметь с собой 12 фунтов свинца и столько же «зелья»-пороха).

От пищальников к стрельцам

Одним словом, к 1550 г. история русской пехоты, вооружённой огнестрельным оружием, насчитывала как минимум полстолетия. Был накоплен к тому времени

определённый как положительный, так и отрицательный опыт применения пищалей на полях сражений, отработаны и первые тактические приёмы (судя по тем отрывочным свидетельствам летописей и разрядных книг, при Василии III пищальников предпочитали использовать преимущественно при осадах крепостей, а в поле они сражались на заранее оборудованных в фортификационном плане позициях). И всё было бы хорошо, но «казённых» пищальников было немного, да и качество их было сомнительно – сброд он и есть сброд. И набираемые с посадов по разрядке в случае войны (по принципу – «на охоту ехать – собак кормить») пищальники тоже не внушали особого доверия. «Наряжание» нередко сопровождалось злоупотреблениями, да и зачастую в пищальники шли всякие гулящие люди и казаки (всё тот же сброд), отсюда и проблемы с боеспособностью, дисциплиной и лояльностью.

Так, в 1530 году, во время очередной осады Казани посоха и пищальники во время сильной бури, ливня и грозы «пометали» и разбежались, и брошенный ими «наряд» был взят казанцами. В 1546 году новгородские пищальники, недовольные порядками и злоупотреблениями, допущенными во время упомянутого выше набора, учинили в лагере под Коломной потасовку, переросшую в «бой велик», с государевыми дворянами. Подобные случаи повторялись и позже. Одним словом, службу пищальников нужно было упорядочить.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения царя, стал второй, и снова неудачный, поход на непокорную Казань зимой 1549–1550 г. Подступив к городу 12 февраля 1550 года, Иван и его воеводы, простояв под стенами Казани 11 дней, были вынуждены снять осаду, «ино пришло в то время аерное нестроение, ветры сильные, и дожди великие, и мокрота немерная», почему, по словам летописца, «из пушек и из пищалеи стреляти не мочно и к городу приступати не возможно за мокротою».

Вернувшись в Москву 23 марта 1550 года, Иван и его советники приступили к серьёзным преобразованиям в военной сфере. В июле 1550 году «приговорил царь государь с митрополитом и с всеми бояры» в походах быть без мест, установив одновременно и порядок местнических счетов между полковыми воеводами, в октябре того же года царь и бояре приговорил учинить в ближней московской округе (в радиусе 60–70 верст от

Русские пищальники во время осады Казани в 1524 г. Миниатюра из 18-го тома Лицевого свода

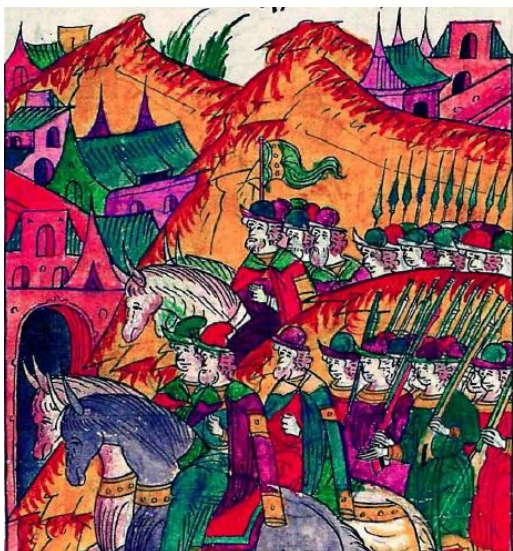
города) «помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек» (и снова мы видим, что речь идёт о «выборе», о своего рода лейб-гвардии царя, только на этот раз из служилых людей «по отечеству»). И похоже, что учреждение корпуса «выборной» стрелецкой пехоты (с длинной летописной цитаты об этом событии мы и начали эту статью) как связанное с этими двумя важными мероприятиями произошло, скорее всего, между июлем и сентябрём 1550 года.

Начало боевого пути

Знаменитые «огненные стрельцы» Ивана Грозного появились в Московском царстве в 1550 году — в то время они довольно сильно отличались от образа, созданного столетием позже. Уже в первые годы своего существования стрельцы зарекомендовали себя как эффективные воины, незаменимые при осадах и штурмах крепостей. С тех пор ни одна крупная военная кампания Ивана Грозного не обходилась без них. Что же послужило образцом для создания стрелецкого войска и какими были их первые боевые успехи?

«Откуда есть пошли» стрельцы

Классическую западноевропейскую модель середины XVI века можно смело отбросить. Ивановы стрельцы совсем не похожи на обычных немецких ландскнехтов — изначально стрельцы не делились на пикинёрские сотни. И на польских и литовских наёмных жолнеров-драбов стрельцы тоже не походили, поскольку в середине XVI века десятки, из которых состояли драбские роты, всё ещё сохраняли заведённый в конце XV века смешанный состав. Такой десяток мог включать в себя пикинёра-«копийника» в полном «копийничем» доспехе, щитоносца-павезника и нескольких «стрельцов» с ручницами-аркебузами. Весьма популярной и распространённой, особенно в последние годы, является версия, согласно которой образцом для подражания при создании московских стрельцов стали османские янычары.

Царское войско на походе.
Миниатюра из 22-го тома Лицевого
летописного свода

В пользу такого предположения говорят и слова И. Пересветова, небогатого служилого человека и прожектёра середины 50-х годов XVI века, обращавшегося к царю с предложением учинить по османскому образцу царскую лейб-гвардию и корпус «юнаков храбрых с огненной стрельбою» для охраны границы с татарами. Также в пользу этой теории говорит запись в Холмогорской летописи, сообщающая, что послал в 1559 году царь и великий государь своего воеводу Данилу Адашева воевать Крым с детьми боярскими, стрельцами и янычарами. Наконец, запись в дозорной книге Тверского уезда 1551–1554 гг., сообщающая о некоем сыне боярском Рудачке Песоцком, который

«служит царю и великому князю в ениченех».

Здесь сходства больше, но, как нам представляется, говорить о прямом заимствовании османского опыта всё же не стоит – если уж он и был, то опосредованный, через Крымское ханство. Здесь, в годы «замятни», наступившей после смерти Мухаммед-Гирея I в 1523 году, сперва Саадет-Гирей I, а потом его брат и преемник Сахиб-Гирей I обзавелись по османскому образцу собственной «лейб-гвардией», включавшей и отряды пеших стрелков с огнестрельным оружием, ставших опорой ханов в борьбе за власть. С ними не могли не познакомиться русские дипломаты, регулярно посещавшие ханский двор, да и русские служилые люди встретились с ханскими стрелками на берегах Оки летом 1541 года, когда Сахиб-Гирей явился наказать своего неверного улусника Ивана за его нерадение «царским» интересам.

«Казанское крещение» стрельцов

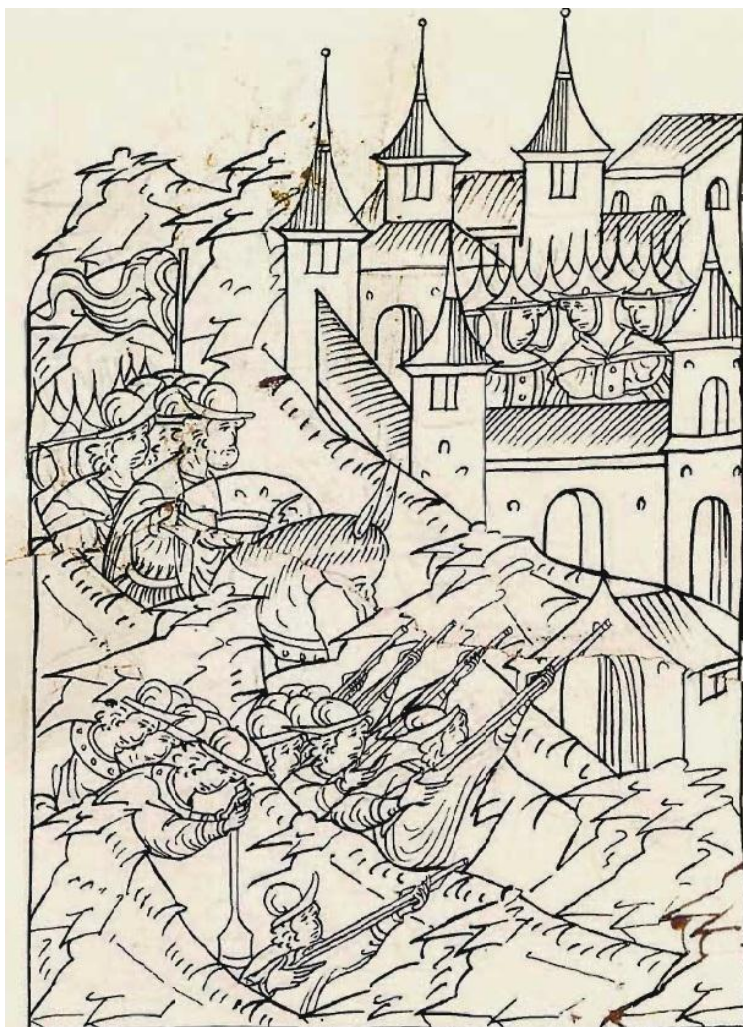
Как бы то ни было, но в конце лета 1550 года вблизи царской загородной резиденции в Воробьёво поселились «выборные» «огненные стрельцы», положив начало истории стрелецкого войска. Правда, недолго они пребывали в праздности: Иван, «ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен», не собирался давать им покою. Ни одна война, ни одна крупная кампания, ни один мало-мальски серьёзный поход в долгое правление грозного царя не обходился без участия стрельцов. Уже весной 1551 года Иван отправляет в набег на Казань князя П. С. Серебряного, «а с ним дети боярские и стрельцы и казаки». Перед ними была поставлена задача отвлечь внимание казанцев от строительства крепости в Свияжске, которым руководил дьяк И. Выродков.

Ранним утром («на первом часу дни») – на Руси в то время день начинался с восхода солнца) 18 мая 1551 года князь Серебряный со своими людьми внезапно объявился под стенами Казани и атаковал казанский посад. Как писал летописец, князь «побил многих

людей, и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болиши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили...». Поставленную перед ними задачу князь и его ратники выполнили и даже перевыполнили, отбив томившихся в казанской неволе русских полоняников, но при этом понесли и потери. По словам русского книжника, процитировавшего воеводскую «отписку»-рапорт о сражении, «на том бою убили Михаила Зачесломского да двух Стромилых, да жива взяли сотцкого стрелецкого Офоню Скоблева; да стрелцов человек с пятьдесят и взяли и убили и потонуло». Сведения же синодика (поминальной книги) Архангельского собора в Москве позволяют уточнить и название одной из стрелецких статей, принимавших участие в этом набеге. В синодике поимённо названы 15 стрельцов «Ивана Черемисинова», что «под Казанью потонули и побиты» – того самого Ивана Черемисинова, который назван был третьим в списке первых стрелецких голов.

Пока остальные стрельцы участвовали в строительстве Свияжска и стояли вместе с казаками и детьми боярскими на Волге, Каме и Вятке «по всем перевозам», Иван Черемисинов со своими людьми отправился в Казань сажать «царевича» Шах-Али (Шигалея русских летописей) на казанское «царство», а потом остался при «царском» дворе выполнять одновременно роль и царской охраны, и конвоя (на тот случай, если вдруг Шигалей решил изменить Ивану IV). Увы, недалёкий и жадный Шах-Али не сумел наладить отношения с казанской знатью и «лутчими людьми», и в марте 1552 года, охраняемый стрельцами Черемисинова, незадачливый «царь» бежал из города к Ивану. Последняя страница казанской драмы была открыта.

В кампании 1552 года стрельцы приняли самое активное участие. Часть годовала в 1551/1552 гг. в новопостроенном Свияжске, понеся большие потери от болезней. Иван Черемисинов со своими людьми ходил в июле 1552 года под началом князя С. И. Микулинского на «горних людей». Разбитые черемисы *«воеводам добили челом, государя правду дали и к городу Свияжскому пошли и з женами и з детми»*. Три же статьи, Г. Пушечникова-Жолобова, Ф. Дурасова и М. Ржевского, покинув в мае 1552 года свою слободу, отправились «в судех» (то есть водой) с воеводой князем П. А. Булгаковым «с товарищи» в Муром, а оттуда – водой же в Свияжск.

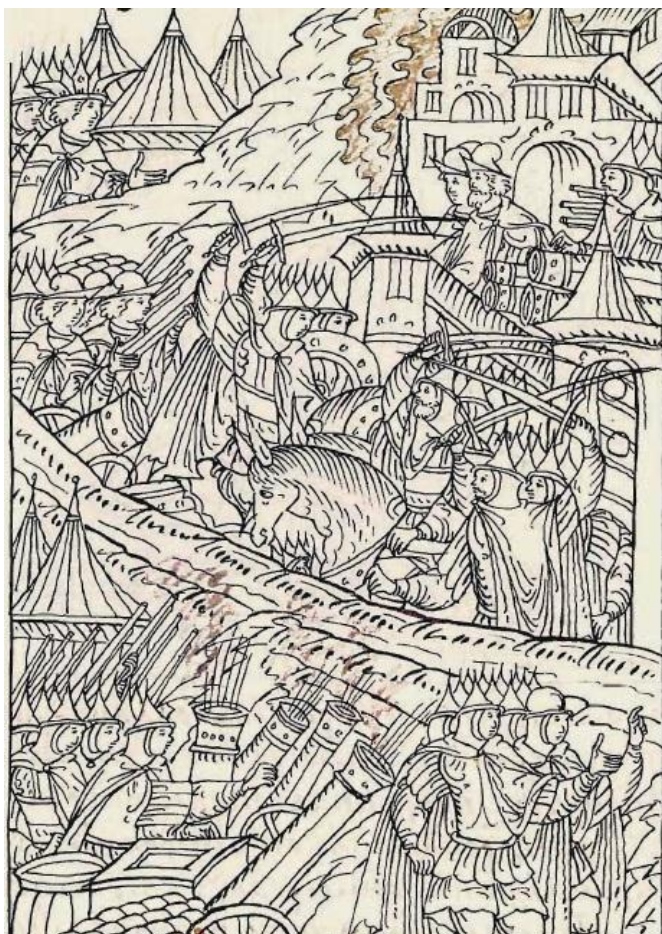
Стрельцы во время осады Казани в 1552 году.
Миниатюра из 21-го тома Лицевого летописного свода

Здесь, в Свияжске, собравшиеся вместе стрельцы 13

августа 1552 года участвовали в торжественной встрече Ивана IV, прибывшего с главными силами русского войска в крепость. Спустя два дня большая часть русского войска, переправившись через Волгу на «казанскую сторону», начала готовиться к последнему переходу к стенам Казани и обложению города. После тяжёлого марша, *«бе тогды время дождиво и воды в реках велики»*, русское войска вышло на подступы к столице татарского ханства. 23 августа, завершив приготовления к осаде, *«поиде государь к городу Казани, имея в авангарде ертаульный полк, «а с ним стрельцы и казаки пеши перед полкы; такоже пред всеми полкы головы стрелетцкие, а с ними их сотцкие, всякой своим стом идет...»*. Так началась знаменитая последняя осада Казани, в которой новоучреждённым стрельцам Ивана IV довелось сыграть одну из важнейших ролей.

Казанская эпопея, достойная отдельного рассказа, дорого обошлась стрельцам. Бившиеся в передних рядах, во «рвах» и в «закопех» перед казанскими стенами, отбивавшие вылазки казанцев и бравшие Арский острог князя Япанчи (беспокоившего своими набегами русский лагерь), шедшие в авангарде штурмовых колонн в день генерального штурма 2 октября 1552 года, они понесли немалые потери. Был убит голова Василий Прончищев, ранен другой – Матвей Ржевский, многие сотники и другие

начальные люди, рядовые стрельцы были «язвлены» «многими ранами» или же «всячески нужно скончались», заслужив вечную память. Но понесённые потери не сломили боевой дух, дисциплину и боеспособность стрельцов — и это не осталось незамеченным Иваном Грозным и его воеводами.

Стрельцы, казаки и дети боярские отражают вылазку казанцев. Из 21-го тома Лицевого летописного свода

После 3-й Казани начинается стремительный рост численности стрелецкого войска. Часть из них осталась в Казани на гарнизонную службу, другие, приняв активное участие в астраханских походах 1554–1556 гг., были расквартированы в Астрахани. И здесь стрельцы снова отличились, подтвердив свою высокую боеспособность и дисциплину. В конце августа 1556 года, преследуя беглого астраханского «царя» Дервиш-Али, стрельцам и казакам пришлось целый день отступать к своим стругам, отбивая атаки татарской конницы, поддержанной огнём присланных на помощь Дервиш-Али крымских стрелков-тюфенгчи. И ведь отбились, сумели дойти до судов в полном порядке!

Ещё один приказ (так стали называть стрелецкий отряд) головы Т. Тетерина ушёл зимой 1555 г. на северо-запад. Здесь он принял участие в походе русских войск на Выборг в ходе русско-шведской войны 1554–1557 гг. и, похоже, так и остался в Новгороде, положив начало новгородским (и псковским) стрельцам. Примечательно, что в ходе выборгского похода стрельцы Тетерина получили для ускорения передвижения набранных с местного тяглого населения лошадей и, получается, проделали большую часть пути верхом.

Между двух войн

Несмотря на убыль стрельцов как по причине их перевода в другие города, так и в силу боевых (так, взбунтовавшиеся черемисы и татары зимой 1553 года разгромили выступивший на подавление мятежа из Казани приказ В. Ершова, положив на месте 350 стрельцов, а в 1555 году 34 стрельца, не считая раненых, было побито в памятной для татар и русских битве при Судьбищах в Поле) и небоевых потерь, число московских стрельцов к концу 50-х гг. практически удвоилось. Во всяком случае, в декабре 1557 года, в преддверии

начала Ливонской войны, Иван Грозный устроил ежегодный смотр стрельцов в Москве. В этом смотре, по сообщению присутствовавшего на нём оставшегося неизвестным англичанина, участвовали 5000 «аркебузирова» — и это при том, что приказ головы Г. Кафтырева к тому времени уже убыл в Новгород для участия в походе против ливонцев). Прошедшие боевое крещение, стрельцы пользовались заслуженной славой отменных стрелков, и ногайский бий Исмаил, союзник Ивана Грозного, умолял царя прислать ему из Астрахани на помощь против его врагов ну хоть десятка два стрельцов!

К началу Ливонской войны организация и порядок содержания и снабжения стрельцов уже устоялись. По факту они к этому времени уже поделились на московских (к последним после учреждения опричнины добавились государевы опричные стрельцы числом не менее полутора тысяч) и городских (хотя долгие «командировки» московских стрельцов в провинциальные города, «докуды в те города жилецкие стрельцы не прибертца», никто не отменял). В больших городах, таких как Москва, Новгород Великий, Смоленск, Полоцк (взятый в 1563 г. при активном участии стрельцов) или Астрахань, стояли гарнизонами по несколько пятисотенных приказов. При этом в той же Астрахани были и конные стрельцы – не сажаемые на случай похода для скорости на казённых и собранных с тяжёлых лошадей и телеги, а конных изначально. В малых городах, крепостях и острогах стрельцов насчитывалось от нескольких сот до нескольких десятков.

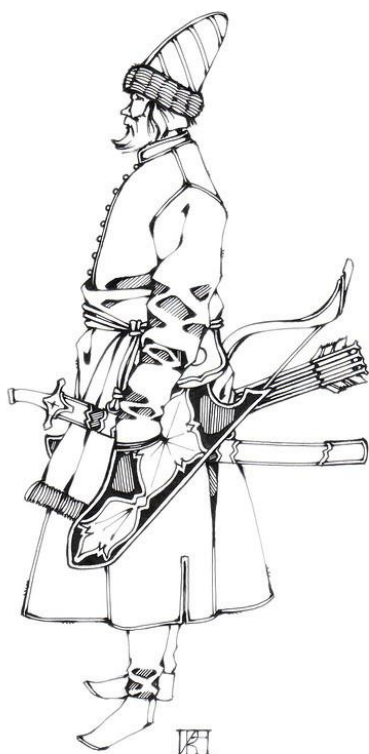
Приказы, как уже было сказано выше, делились на сотни, сотни – на полусотни во главе с пятидесятниками и десятки во главе с десятниками. В военно-административном плане стрельцы, надо полагать, подчинялись Разрядному приказу, а в остальных, пока не была создана отдельная Стрелецкая изба/приказ (впервые упоминается около 1571 года), похоже, что подчинялись приказу Большого дворца, отвечавшему за царский двор и всё, что с ним связано. И если это так, то тогда нам известно и имя боярина, которому были подсудны стрельцы и их начальные люди. Приказом Большого дворца с марта 1547 года и до 1564-го заведовал боярин, дворецкий Д. Р. Юрьев, брат царской жены Анастасии.

Вооружались стрельцы фитильными пищалями (про примерные нормы отпуска пороха-«зелья» и свинца мы уже писали прежде), саблями и топорами (если верить английскому дипломату Флетчеру – они носили их за спиной). Начальные же люди, головы и сотники, набравшиеся из детей боярских, вооружались традиционно, как и положено

Стрелец
Рисунок Александра
Красникова

служилому человеку «по отечеству» – обычно шелом, пансырь-кольчуга да сабля с саадаком. Кроме того, судя по всему, стрелецкие приказы имели и свою собственную артиллерию.

Стрелецкий сотник
Рисунок Александра Красникова

Устоялась и система выплаты жалованья стрельцам. Помимо денежного, стрельцы получали ещё и хлебное жалованье (не меньше осьмины ржи в месяц на человека – т.е. 2 пуда зерна), деньги на соль, а стрелецкие головы и сотники – ещё и земельное жалованье, поместья (при этом московские стрельцы стабильно получали большие, нежели городовые/«жилетцкие» выплаты, денежные и натурой). И, похоже, стрельцам не возбранялось (во всяком случае, в провинции) заниматься разными промыслами и торговлей. Некоторые из них, судя по «обидным спискам», в которых перечислялось утраченное ими в результате грабежей имущество, торговали довольно успешно и прибыльно. «Служилое платье» стрельцов, видимо, было обычным для русских людей того времени – суконный кафтан и однорядка с колпаком да суконная же епанча (плащ). Судя по сохранившимся документам, в каждом приказе/приборе был свой цвет кафтана и колпака.

Что же касается тактики применения стрельцов, то здесь сказать что-либо определённое сложно. Соблазнительно, конечно, было бы полагать (исходя из того, что Иван Грозный де советовался с иноземными капитанами, а на смотре 1557 года стрельцы вышагивали «в добром порядке» строем по 10 человек в ряд), что стрельцы на поле боя строились 10-шереножным построением и были обучены ведению залпового огня и караколе. Однако, по здравому размышлению, от такой картины стоит отказаться – очень уж шаткие основания для такого предположения.

Вообще, в первые годы своего существования стрельцы блестяще показали себя не в полевых сражениях (которых, собственно, и не было – если не считать Судьбищи и «Львиного отступления» 1556 года), а во время осад и штурмов крепостей, «в закопех» и «во рвах», снимая прицельным огнём из своих пищалей неприятельских воинов со стен и башен и отбивая их вылазки «огненным боем» и «ручным сечением». В поле же, не имея в своих рядах пикинёров, стрельцам с их медленно перезаряжающимися пищалью было крайне сложно, а то и вообще невозможно, противостоять атакам неприятельской конницы – особенно польско-литовской, стремившейся решить исход схватки в ближнем бою. Тем временем, приближалась Ливонская война, в которой стрельцам была уготована далеко не последняя роль...

Львиное отступление русских стрельцов и казаков летом 1556 г.

От Нарвы до Полоцка и Пскова

«Огненные стрельцы» показали себя эффективными воинами при «третьей Казани» и в других военных походах Московского царства середины XVI века. Ещё более востребованными эти передовые по тем временам воины оказались в Ливонской войне, изобиловавшей осадами городов. Однако любовь царя к войне на несколько фронтов привела к тому, что стрелецкое войско раздробилось и разрослось до больших размеров, потеряв в «качестве». В это же время военная удача начала изменять Ивану Грозному...

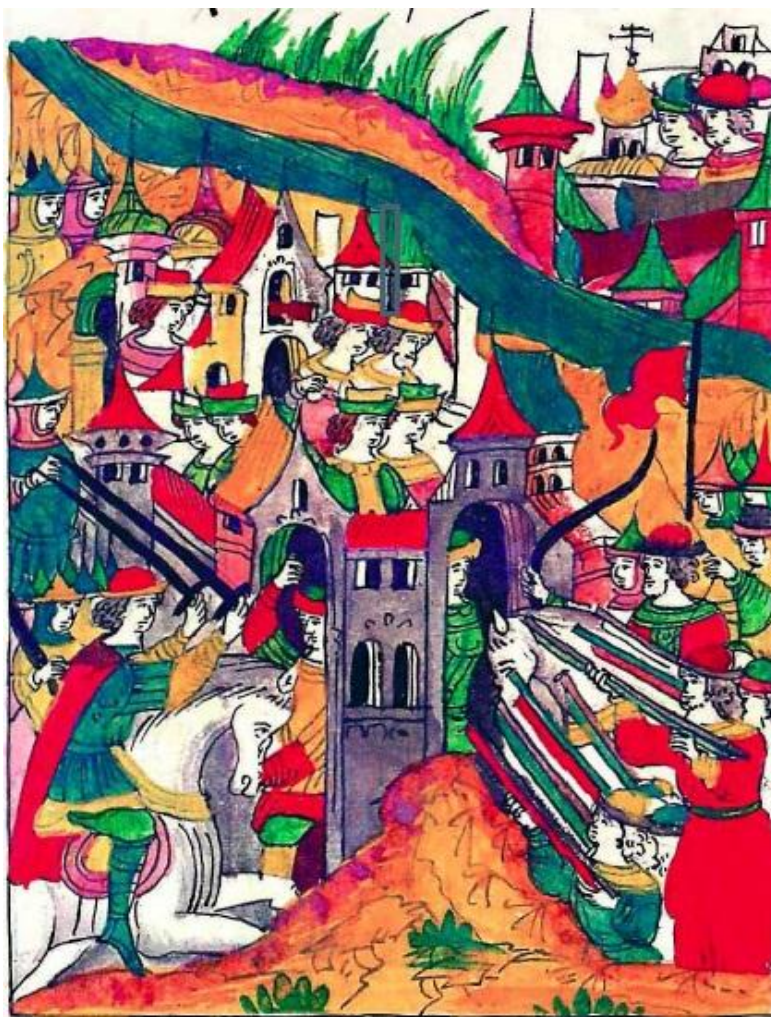
Стрельцы в Ливонской войне 1558–1561 гг.

В январе 1558 года, после того как переговоры о продлении перемирия между Москвой и Ливонской конфедерацией был сорваны из-за взаимной неуступчивости сторон, Иван Грозный отдал приказ своим полкам перейти ливонскую границу. Началась война за Ливонское наследство.

Боевые действия на первом её этапе (собственно, именно его и стоит называть Ливонской войной) носили особенный характер – больших «правильных» полевых сражений практически не было, а вот «малая» война и осады замков и городов, напротив,

были в почёте с обеих сторон. В этих специфических условиях боевые качества стрельцов оказались востребованы как никогда.

Два стрелецких приказа, Тимофея Тетерина и Григория Кафтырева, посаженные на конь, в составе рати князя М. В. Глинского сотоварищи, зимой 1558 года разорали земли дерптского епископа Германа. Спустя несколько месяцев, в мае 1558-го, Тимофей Тетерин и его друг, стрелецкий голова Андрей Кашкаров, со своими людьми под водительством воевод А. Д. Басманова и Д. Ф. Адашева, брали Нарву, а потом оправились в поход брать города и замки Дерптского епископства.

Штурм Русских ворот Нарвы стрельцами в мае 1558 года.
Миниатюра из 22-го тома Лицевого летописного свода

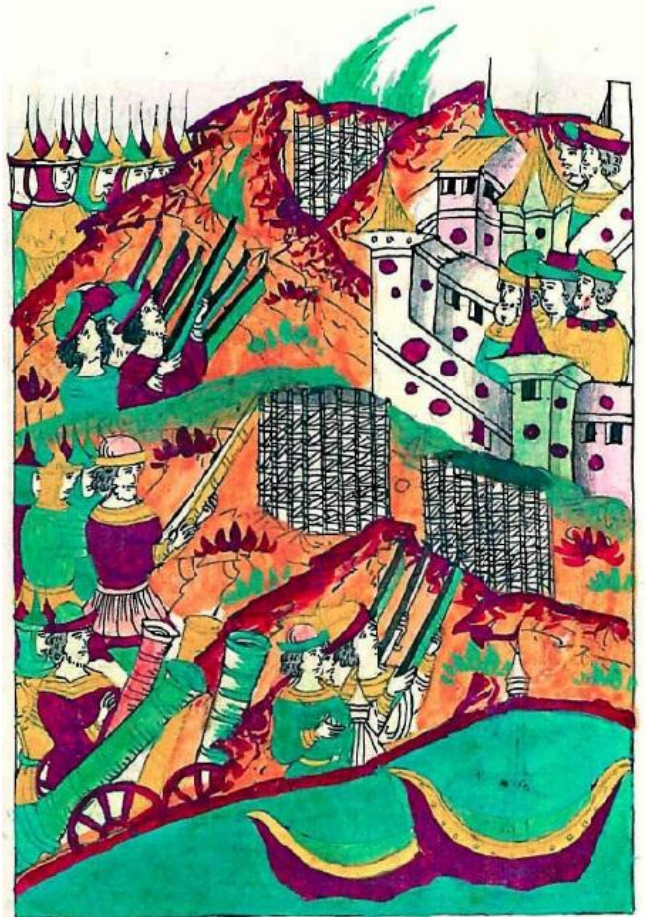
Всякий раз воеводы действовали по одной и той же методе, противопоставить которой ливонцы так ничего и не смогли – по словам русского книжника, воеводы, всякий раз подступая к городу, «*туры круг города изставили и наряд по всем туром розставили, а стрельцов с пищальми пред турами в закопех поставили. И учили по городу стреляти изо всего наряду ис пищалеи по воином*».

Измотанный многодневной бомбардировкой и терпящий большой урон от пальбы стрельцов из пищалей, неприятель предпочитал, не дожидаясь штурма, капитулировать. Нейшлосс-Сыренск, Нойхаузен-Новгородок, а затем и сам Дерпт

и множество других городков и замков стали добычей русских ратных людей.

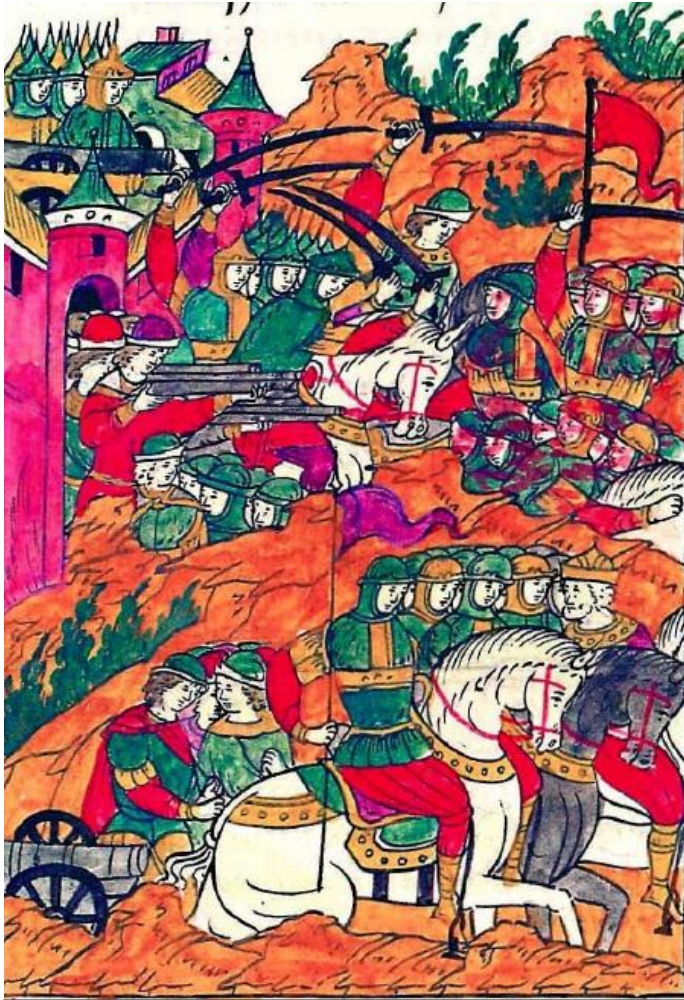
Осенью 1558 года полсотни стрельцов и немногим меньше детей боярских грудью встали на защиту небольшого замка Ринген неподалёку от Дерпта от неприятельского войска под началом Г. Кеттлера, заместителя-коадьютора орденского магистра В. фон Фюрстенберга, и рижского пробста Ф. фон Фелькерзама, командовавшего ополчением рижского архиепископства. В течение месяца — с 1 по 29 октября 1558 года — защитники Рингена отбивали атаки неприятеля, дав время дерптским воеводам подготовиться к обороне. Гибель гарнизона Рингена не осталась неотмщённой – зимой 1559 года рать под началом одного из лучших военачальников Ивана Грозного князя С. И. Микулинского опустошила земли Ордена и рижского архиепископа в Лифляндии. И снова мы видим среди ратных людей 1600 русских *hakenschutzens*, в которых без труда можно узнать стрельцов.

Осенью 1559 г. «стрельцы многие» (по меньшей мере, три приказа — Т. Тетерина, А. Кашкарова и Г. Кафтырева) на стенах Дерпта снова бились с Кеттлером, который к тому времени уже стал магистром Ордена. А потом 300 стрельцов и 200 детей боярских сели в осаду в замке Лаис, который осадил Кеттлер, бесславно отступая от Дерпта. Казалось, что Лаис и его гарнизон повторит судьбу Рингена, но этого не произошло. Пускай ливонская артиллерия проделала внушительный пролом в стенах замка – русские стрельцы и дети боярские отнюдь не собирались сдаваться и отбили 17 декабря решающий неприятельский приступ, уложив на месте почти две сотни кнехтов и двух их командиров-гауптманов. В результате Кеттлер, несолоно хлебавши, был вынужден отступить.

Осада русскими Дерпта-Юрьева летом 1558 года.

Миниатюра из 22-го тома Лицевого летописного свода

Вылазка стрельцов и детей боярских из Юрьева-Дерпта во время обороны города от ливонцев осенью 1559 г.
Миниатюра из 22-го тома Лицевого летописного свода

В начале 1560 г. «империя нанесла ответный удар» – большая рать под водительством воеводы князя И. Ф. Мстиславского, «столпа царства», по словам Ивана Грозного, вторглась в Ливонию наказать ливонцев «за измену их» (Иван был оскорблён тем, что Кеттлер начал боевые действия осенью 1559 года, до того, как истёк срок заключённого весной того же года перемирия). Главной целью похода был замок Мариенбург-Алыст, на который положил было глаз соперник Ивана в разделе ливонского наследства великий князь литовский Сигизмунд II. И снова мы видим в передовых рядах стрельцов Григория Кафтырева, ускоривших своей меткой стрельбой капитуляцию замка. Последним успехом стрельцов стало участие летом 1560 года в осаде Феллина. С его падением в августе того же года Ливонская война фактически закончилась за неимением противника

– Ливонская конфедерация перестала существовать, а её земли были разделены между литовцами, русскими и шведами.

«Взятие полоцкое ливонской земли...»

Вторжение русских войск и оккупация ими восточной Ливонии серьёзно обеспокоили Сигизмунда II. Он давно вынашивал планы по «инкорпорации» Ливонии в состав своего государства, однако теперь выяснилось, что Иван Грозный его опередил. Оскорблённый в лучших чувствах, Сигизмунд потребовал было от Ивана прекратить нападения на Ливонию, поскольку де это его земли, на что получил ясный и недвусмысленный отказ и совет не вмешиваться не в своё дело. В итоге неоднократно продлевавшееся русско-литовское перемирие на этот раз пролонгировано не было. Две страны оказались на грани войны, и она не заставила себя долго ждать. Стремительно росла напряжённость на границе, где местные пограничные «бароны» обменивались взаимными наездами и набегами, а затем, под занавес кампании 1561 года, литовское войско осадило (между прочим, ещё до истечения срока перемирия между Москвой и Вильно) и взяло

занятый русскими замок Тарваст. Началась очередная русско-литовская война – Инфлянтская.

Лето и осень 1562 года прошло в незначительных пограничных стычках и обмене набегами. Иван Грозный не стал реагировать на эти комариные укусы – он вынашивал более серьёзный план. И зимой 1563-го он приступил к его реализации: двинул свои рати на Полоцк, крупный торговый центр и важный в стратегическом отношении город Великого княжества Литовского. Туда двинулась огромная по тем временам рать – до сорока, а то и более, тысяч «сабель» и «пищалей» в сопровождении «Большого наряда» и многочисленной посохи. Среди ратников, конно и на санях двигавшихся несколькими колоннами к Полоцку, были и стрельцы – около 5000, если верить сохранившимся русским источникам. Известны нам и имена стрелецких голов, которые привели свои приказы к полоцким стенам – Иван Голохвастов, Василий Пивов, Иван Мячков, Фёдор Булгаков, наш старый знакомый Григорий Кафтырев, Богдан (Будай) Болтин, Роман Пивов, Оса Гурьев и Тёмка (Тимофей) Игнатъев.

«Стрельцы». С. И. Иванов

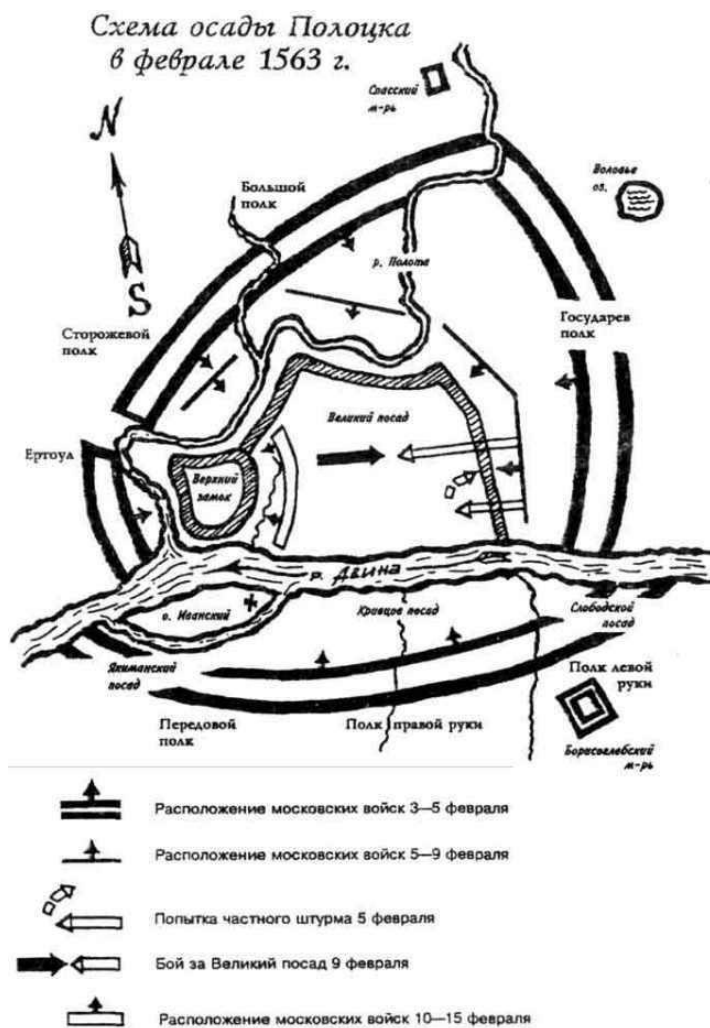
Сценарий осады Полоцка практически ничем не отличался от той схемы, которая была опробована во время 3-й Казани и в ходе Ливонской войны. И сейчас, как и тогда, полки, выходя на намеченные заранее позиции вокруг города, занимали места под прикрытием стрельцов, шедших в авангарде: *«головы стрелецкие и сотники со всеми стрельцы стояли перед полком блиско города...»*. Стрельцам и пушкарям была доверена и честь начать осаду – 31 января 1563 года Иван Грозный *«послал противу острогу и посаду голову стрелецкова Ивана Голохвастова с его приказом стрельцы со всеми, и велел закопатца по берегу Двины и стреляти по посаду и по острогу»*. Выполняя царский приказ,

стрелецкий голова со своими людьми, как писал с удовлетворением русский книжник, «пушкарей литовских и с пушками со острогу збили и многих людей литовских побили из пищалей...».

1 февраля в боевую работу включились приказы Василия Пивова и Ивана Мячкова. Они были посланы «на остров на Двину реку противу города» с приказом «вкопаться от острову и стреляти по посаду». 2 февраля Иван Грозный лично объехал вокруг Полоцка, «смотрел крепостей», и в ночь на 4 февраля «царь и великий князь у города у Полоцка велел туры ставить». От Большого полка работами руководил князь В. С. Серебряный, «а с ним головы стрелецкие Федор Булгаков да Григорей Кафтырев, да Богдан Болтин с своими приказы, да головы з детми боярскими и другия з боярскими людьми головы». 4 февраля стрельцы Голохвастова подожгли «у литовских людей у острога башню над Двиною рекою», после чего они пошли на штурм и ворвались в острог. Однако Иван Грозный и его воеводы решили, что стрельцы проявили ненужную, преждевременную инициативу («туры ещо во многих местех не поставлены около города»), и отозвали людей Голохвастова. Смелость и инициатива дорого обошлась стрельцам – защитники острога, часто и метко стреляя из тяжёлых затинных пищалей-гаковниц, убили 15 стрельцов приказа Голохвастова.

В следующие дни осада проходила без подобных эксцессов. «Поиззакопавшись» близ города и поставив туры, государевы стрельцы обстреливали город, выбивая его защитников из своих пищалей, ручных и полупоручных (лёгких орудий, придававшихся стрелецким «приказам»), одновременно продвигая апроши и туры всё ближе и ближе к полоцким стенам и рвам. Работа эта для них была хорошо знакома, потому как среди «огненных стрельцов» было немало ветеранов «казанского взяття», не говоря уже о ливонских походах. 8 февраля командовавший обороной Полоцка пан С. Довойна приказал оставить острог и посад города,

предварительно запалив его. Увидев дым и пламя, поднимавшиеся тот тут, то там, сидевшие в «закопех» стрельцы и казаки вместе с послужильцами детей боярских «изо всех полков», представив, что добыча, на которую они так рассчитывали, ускользает из их рук, без

приказа пошли на приступ. И снова Иван, желая поберечь людей, приказал им отойти под прикрытием присланных боярских сотен. Однако ж стрельцы успели всё-таки «поймать» «безчисленно» и полону литовского, и животов, вознаградив себя за осадные тяготы.

9 февраля 1563 года прибыл «Большой наряд», который немедля подключился к бомбардировке города. Под прикрытием его огня 11 февраля стрельцы Фёдора Булгакова, Тимофея Игнатьева, Будая Болтина и Григория Кафтырева вместе с казаками и боярским людьми заняли выгоревший острог и посад Полоцка, засев «в закопех» у самого полоцкого замка. Осада близилась к концу. И когда ночью 14 февраля по приказу царя стрельцы «городовую стену зажгли во многих местех», Довойна и его люди *«знамя городцкое со стены сняли»* и выкинули белый флаг, изъявив желание *«чтоб государь милость показал, стреляти бы по городу не велел, а вотчина, государь, Полотеск Божия да ево государева»*. Двухнедельная осада Полоцка закончилась триумфом русского оружия. 15 февраля *«велел царь и великий князь в город ехать воеводам боярину князю Василию Семеновичу Серебряново, а с ним дворяном и детем боярским многим да головам стрелецким всем со всеми стрелцы»*. Именно стрельцы заслужили право первыми войти в поверженный Полоцк, ибо на их плечи легла немалая часть осадных работ и борьбы с неприятелем.

Стрельцы в последние годы войны за Ливонское наследство

Со взятием Полоцка война с Литвой (а потом и со шведами) отнюдь не прекратилась. Сигизмунд недаром надеялся на помощь со стороны своего «брата» — крымского «царя» Девлет-Гирея I. С 1566 года Русскому государству пришлось вести войну на два фронта — и против Великого княжества Литовского (а с 1569 года — Речи Посполитой), и против Крыма, так что работы стрельцам хватало (кстати, отметим, что с учреждением знаменитой опричнины были учреждены и особные, опричные стрельцы). Но эта война на два фронта пагубным образом сказалась на Русском государстве и его войске — псковский летописец, весьма критически относившийся к Ивану Грозному, писал, что царь *«наполни грады чюжсие рускими людьми, а свои пусты сотвори»*, и что он *«не на велико время чюжью землю возьмь, а помеле и своеи не удержа, а людеи вдвое погуби...»*.

Сказано, конечно, жёстко, но немалая доля истины в этом есть. Если глянуть в разрядные росписи, то видно, что, к примеру, в 1578 году русские гарнизоны стояли в 28 городах на крымской окраине, в 13 «понизовых» городах (в Поволжье), в 14 городах на западной, литовской окраине, в 13 «новых» «немецких» (ливонских) городах и 24 городах по «немецкой» окраине. Итого 92 города, и практически во всех из них были стрельцы, местные «жилетцкие» или присланные московские — от нескольких десятков до нескольких сотен или целых приказов. Посчитав в среднем по сотне стрельцов на один город, мы легко выходим на почти 10 000 служилых людей — втрое больше, чем прежде. Соответственно, больше и расходы на их содержание. Плюс возникает и другая, ещё более серьёзная проблема — поддерживать прежний уровень «выборности» с каждым годом становилось всё

сложнее и сложнее. И хотя стрелецкое войско продолжало, что называется, «держаться марку», однако наряду с успехами появились и первые поражения и неудачи.

В степной войне стрельцам места не находилось – гоняться за мелкими отрядами татарских хищников им было не сподручно. Другое дело, когда ожидалось нашествие самого крымского «царя» со всей его ратью! И в начале 70-х годов XVI века, во время «войны двух царей» — Ивана Грозного и Девлет-Гирея I — стрельцам дважды довелось стоять на защите Москвы от татарских полчищ. В первый раз они сражались с неприятелем у стен столицы в мае 1571 года и, похоже, не слишком удачно. В своём донесении турецкому султану Девлет-Гирей похвалялся, что его воины сумели де разорвать русский «табор» и ворваться внутрь, заставив неверных москвитов искать спасения в самой Москве. Так это было или не так, но годом позже московские стрельцы сполна отплатили крымцам за неудачу в предыдущем году. В многодневном сражении в конце июля – начале августа 1572 года на берегу Оки под Серпуховым, а потом на ближних подступах к Москве, у села Молоди, 2000 московских стрельцов успешно бились с татарской конницей «огненным боем» и «ручным сечением».

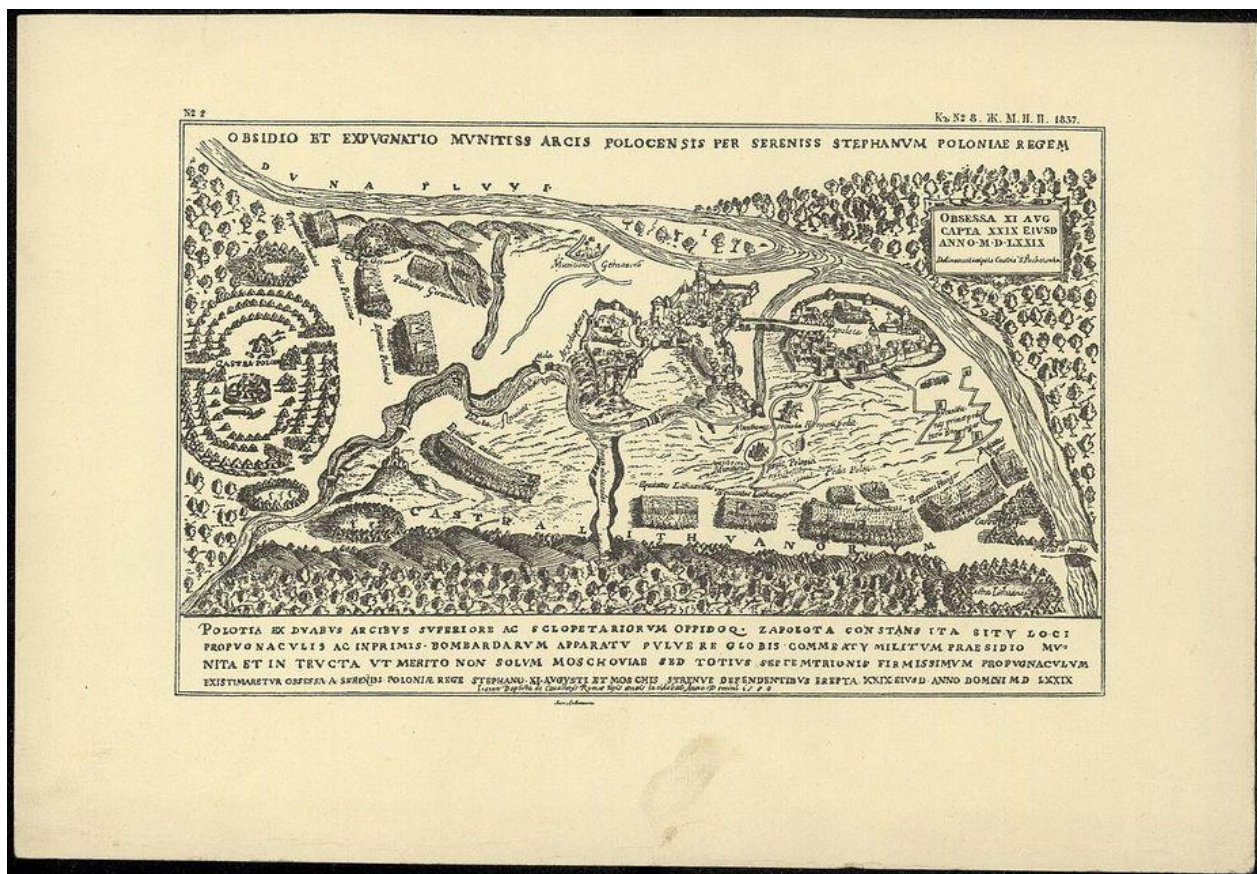

Осада русскими литовской крепости
Озерищи летом 1564 года

После победы при Молодях угроза со стороны Крыма стала постепенно спадать, и центр боевых действий сместился на северо-запад, в Ливонию. Стремясь закрепить свои прежние успехи в Ливонии и завершить её покорение, Иван Грозный в 1577 году во главе более чем 20-тысячной рати, в которую входили 6500 стрельцов, двинулся на «немцев». Против такой силы разорённая и опустошённая многолетней войной, деморализованная и лишённая какой-либо власти «Инфлянтская земля» устоять не могла, и ливонские города сдавались пачками практически без боя.

Увы, эта победа оказалась последней для Ивана и его воинства. Уже в следующем, 1578 году русские полки потерпели первое поражение от соединённой польско-литовско-шведской рати под Кесью-

Венденом. Стрельцы и пушкари, брошенные поместной конницей, сбитой с поля боя поляками и литовцами, засели было в обозе, но были разбиты. Часть была убита, часть попала в плен.

Осада Полоцка в 1579 году. Гравюра по рисунку С. Пахоловицкого, 1579 г.

Несчастное «дело» под Кесью стало первым в длинной цепи неудач, последовавшей в ходе Московской, или Баториевой, войны. В 1579 году, после месячной упорной обороны, пал Полоцк, затем настал черед Великих Лук, Нарвы и целого ряда других городов и замков как в Ливонии, так и в прилегающих к ней псковских и новгородских землях. В одних крепостях русские гарнизоны, ядро которых составляли стрельцы, стояли насмерть, в других их защитники или покидали свои укрепления при приближении неприятеля, или капитулировали при первых же выстрелах. И лишь героическая оборона Пскова в 1581–1582 гг., в ходе которой стрельцы снова показали себя с наилучшей стороны, позволила изменить крайне неблагоприятный ход войны и дала её закончить, в общем, относительно прилично. Война за Ливонское наследство подошла к концу, а вместе с ней завершилась и первая глава в истории стрелецкого войска.

Литература и источники:

1. Анхимюк Ю. В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.
2. Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.
3. Епифанов П. П. Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1976.

4. Зимин А. А. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // Исторические записки. № 55. 1956.
5. Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991.
6. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. М., 2000.
7. Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009.
8. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009.
9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М.: , 2000.
10. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VIII. М., 2001.
11. Пахомов И. Пищальники Василия III // Цейхгауз. 2003. № 4 (20).
12. Пенской В. В. Героическая оборона Полоцка в августе 1579 года // Военно-исторический журнал. 2013. № 6.
13. Пенской В. В. Ливонская война 1558–1561 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2014. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. I. С. 133–217 // Режим доступа: http://www.milhist.info/2014/11/28/penskoj_7
14. Пересветов И. С. Сочинения И. Пересветова. М.-Л., 1956.
15. Разрядная книга 1550–1636. Т. I. М., 1975.
16. Разрядная книга 1550–1636. Т. II. Вып. 1. М., 1976.
17. Разрядная книга 1559–1605. М., 1974.
18. Разрядная книга 1475–1598 г. М.: 1966.
19. Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004.
20. Тысячная книга 1550. Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. М.-Л., 1950.
21. Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954.
Чернов А. В. Образование стрелецкого войска // Исторические записки. № 38. 1951.

Автор материала:

Виталий Викторович Пенской
советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор